

Зал был полон, выступление Цинь Цзуня должно было пройти позже. Сев на свое место, Жуань Си приколот к воротнику яркий маленький красный цветочек и надел кепку. Ли Циньян повернулась к нему и, заметив цветок, шепотом сказала:

— Сколько тебе лет, зачем срываешь чужие цветы?

— Я специально поприветствовал дедушку, следящего за клубами, — произнес Жуань Си. — Сказал, что пришел поддержать свою девушку, спешил и не успел купить цветы, но не хотел делать ее несчастной.

— Ты еще не нашел девушку, — Ли Циньян расправила подол платья. — Где та девочка, которую ты ходил провожать?

— Все ты знаешь, — Жуань Си выпрямился и посмотрел на маму. — Мама, твоя сеть такая широкая.

— Да, — Ли Циньян почувствовала гордость, услышав похвалу от сына. — Женщины в той общине знакомы со мной. Ты каждый день провожал ее до девятого корпуса. Я спрашиваю, почему ты в прошлый раз не взял с собой Цзунцзы? Неужели ты считаешь его лампочкой? Больше такого повториться не должно.

— Почему нет? — Жуань Си громко рассмеялся. — Мне каждый день забирать его и вести домой?

— Если не стесняешься, можешь еще и за руку взять, — Ли Циньян посмотрела на первый ряд: Шу Синь сидела на скамье судей. Они помахали ей в качестве приветствия, и женщина опустила руку и вновь заговорила. — Сколько лет вы вместе, от начальной школы до старшей, вы настолько близки, что я могу назвать его своим сыном. Перед кем должно быть стыдно? Его родители — занятые идеалисты, и все эти годы мы были к нему ближе всего. Скоро вы закончите школу, я просто хочу, чтобы вы были счастливы. Нельзя забывать о своем брате из-за отношений.

— Я не стану забывать о нем... — Жуань Си вспомнил, как Кун Цзябао говорил о «ревности» и улыбнулся. — Дядя Цинь тоже сказал, куда Цинь Цзуня поступать?

— Он задал высокую планку, — ответил Жуань Чэн. — Но у Цзунцзы хорошие оценки, так что усердная работа окупится.

— Все сложно, они оба приняли решение, — произнесла Ли Циньян. — Один видит поступление в военную академию, другая — в музыкальную консерваторию. Насколько тяжело ребенку, стоящему между двух огней?

— Вполне нормально надеяться, что сын станет великим драконом, — Жуань Чэн утешал жену.
— Это доказывает, что Сяо Цзунцзы хороший ребенок.

Не стоит продолжать разговор, как бы ни были близки, не стоит переходить черту перед собственным чадом. Ли Циньян, в тусклом свете, скорчила рожицу для Жуань Си и тихо спросила:

— Ты мне так и не сказал, куда делась девочка.

— Мы... мы расстались, — Жуань Си кашлянул и неловко сказал.

— Расстались?

— Да, — Жуань Си хотел вновь рассмеяться. — Ее отец думает, что мне не так уж нужна девушка.

Занавес опустился, и началось первое выступление, Ли Циньян так и не ответила. Спустя долгое время до его ушей донеслось фырканье матери.

— Не нужна? Да уж, их у нас достаточно.

— Ты все еще это помнишь, — Жуань Си не знал, плакать ему или смеяться. — Да-да-да, твои два сына как-нибудь справятся.

— Было бы здорово, будь один из вас девушкой, — Ли Циньян сожалела. — Почему ты родился мальчиком?

Жуань Си: ...

Этот горшок даже я не смогу унести.

Цинь Цзун в уборной мыл руки в прохладной воде. В его сердце по-прежнему нет ни намека на напряжение. Это дело казалось ему таким же, как выступление под национальным флагом — просто поручение, а не результат собственного выбора, интереса или цели.

Холодная вода стекала по кончикам пальцев, пока он не перекрыл воду, а руки не замерзли. На выходе его ждала помощница Шу Синь, чтобы переодеться в официальную одежду и привести в порядок прическу. Визажиста привела сама Шу Синь. Во время светских бесед она томно вздыхала:

— Мы следуем за сестрицей Синь круглый год и можем посчитать на пальцах одной руки,

сколько раз встречались с Сяо Цзуном. Так рада встречи, ты сейчас в старшей школе?

— Второй год, — ответил Цинь Цзун.

— Не могу не сказать, сестрица Синь совсем не выглядит так, будто у нее взрослый сын, — помощница спросила. — Ты играешь десять лет? Нервничать во время первого выступления — нормально. Не бойся выходить на сцену, просто играй. Даже если возникнет непредвиденная ситуация, мы справимся с ней как можно скорее в тылу.

— Спасибо, — вежливо ответил юноша.

— Зачем благодарность? — Помощница улыбнулась. — Мы все с сестрицей Синь, так что не нужно любезностей. Пойдем, сестрица с нетерпением ждала сегодняшнего дня несколько месяцев, не подведи ее.

Цинь Цзун встал, манжеты были застегнуты, а рубашка плотно прилегала к телу, словно скрывая его в невидимой клетке. Он вежливо и сдержанно улыбался всем вокруг, пока его вели вперед. Чем ближе сцена и громче аплодисменты, тем спокойнее его лицо. Такому спокойствию его учил Цинь Юэ, а также Военная академия, которая, можно сказать, «ждала» его в будущем. Цинь Цзуню не трудно выполнять задания, порученные другими. Он делал это уже много лет и давно привык справляться. Но волнение, скрывающее сопротивление, никогда не утихало, оно двигалось в груди, давно намереваясь вырваться.

Выйдя из тени, Цинь Цзун оглядел собравшихся сверху вниз, будто чувствовал взгляд Жуань Си. Они увидели друг друга, и Жуань Си, поправил вырез, тут же красная роза бросила в глаза. Ему хотелось смеяться, он поднял руку, поправляя галстук, и посмотрел на Жуань Си.

Ты должен смотреть на меня, ты не можешь отвести взгляда, в твоих глазах лишь я.

«К Элизе» — пятиуровневая фортепианная пьеса, благодаря яркому, живому и легкому стилю, она входила в число обязательных произведений для начинающих пианистов. Для Цинь Цзуня — для того Цинь Цзуня, которого видела Шу Синь — пьеса не вызывала никакой сложности.

Гибкие, стройные пальцы прыгали по черно-белым клавишам. Когда спокойная часть должны была перейти в живую, нужная тональность пропала. Ошибок становилось все больше, глиссандо лишь говорило о неуклюжей попытке исправиться. В зале воцарилась тишина, некогда подавленное волнение быстро сменилось на вежливую тишь, но юноша на сцене вызывал глубокое разочарование.

Шу Синь, нахмурившись, смотрела на Цинь Цзуня.

Цинь Цзун не останавливался ни на миг, словно погруженный в собственный ритм, он превращал нежную и красочную мелодию в депрессивную.

Чрезвычайно ужасное исполнение, Шу Синь больше не могла слушать. Кончики ее пальцев торопливо и раздраженно барабанили по толстой скатерти, молча выражая взрывные эмоции.

Стыдоба.

Стыдоба!

Под конец на лице помощницы отражались тяжело определимые эмоции, но Цинь Цзун, как обычно, поблагодарил ее и, войдя в гримерку, в раздумьях захлопнул дверь.

Прямо перед ним бросили нотные листы, Шу Синь, тяжело дыша, крикнула:

— Ты сделал это нарочно, Цинь Цзун. Почему я впервые узнаю, насколько ты смелый? Сколько тебе лет? Ты вот так выражаешь свое недовольство? Знаешь ли ты, сколько твоих будущих преподавателей сидело сегодня за столом, как ты можешь так губить себя и разрушать мои ожидания! Выражаешься так наивно и низко, ты действительно никчемный!

Цинь Цзун взял в руки ноты, ничего не говоря.

— Какого черты ты делаешь?

— Делаю то, что хочу, — Цинь Цзун посмотрел на нее.

— Что хочешь ты? Говоришь, говоришь, ты хотел этого? И что же? — Шу Синь язвительно усмехнулась. — Без нас, без нашего выбора, ты знал бы, чем хотел заниматься? Мир никогда не будет потакать твоим желаниям. Сколько раз я говорила, не выноси сюда свою наивность! С момента, как ты начал играть, ты должен считать это делом всей своей жизни!

— Спасибо, — Цинь Цзун аккуратно сложил нотные листы на стол и начал раздеваться. — Спасибо тебе за то, что ты выбрала за меня, спасибо тебе, отец, спасибо, дедушка, и спасибо тебе, любимый мир. — Он сорвал галстук, снял запонки, натянул рукава рубашки прямо до предплечий, а затем расстегнул верхние пуговицы. — Думал, ожидания должны вселять в людей надежду на воплощение достижений, а не навязывать собственные желания другому человеку.

Он был бесстрастен от начала до конца, настолько безразличен, что, казалось, не он сейчас ссорился с матерью.

— Я больше не хочу играть на пианино, и меня не примут в военную академию, — он бросил пиджак на спинку стула.

Шу Синь перестала заботиться о своих элегантно уложенных волосах и хотела вновь закричать,

но была так зла, что не могла заставить себя заговорить. Цинь Цзун повернулся и открыл дверь.

— Сарказм и крики вам не идут, — произнес он. — Я еще раз поговорю с папой, я буду делать только то, что хочу.

— Цинь Цзун! — Крича, Шу Синь подбежала к столу на своих высоких каблуках. — Ты действительно...

Дверь с грохотом закрылась, Цинь Цзун вошел в коридор и заметил Жуань Си, стоящего в самом конце. Жуань Си, надевший его кепку, наблюдал за собственной тенью. Музыка продолжала литься из темного холла, но парень, спрятавший руки в карманах и наивно насвистывающий, казалось, заменял собой весь солнечный свет.

— Ты попрощался с мамой? — Жуань Си повернул голову и спросил. — Мы можем ехать?

— Наверное, моя мама сейчас не захочет со мной прощаться, — Цинь Цзун взъерошил волосы, и они вновь небрежно рассыпались. — Поехали, поехали прямой сейчас, сядем в автобус.

— Тогда пошли, — Жуань Си расплылся в улыбке. — Пойдем с братом.

Они взяли рюкзак только со сменной одеждой, на ферме оставались их туалетные принадлежности, потому вещей было немного. Пряча саксофон за спиной, Цинь Цзун спросил:

— Что ты туда еще положил?

— Ты заметил? — Жуань Си удивился, а затем наклонился чуть ближе и тихонько прошептал.
— Там две порно-книжки.

Цинь Цзун: ...

— Вы, старшие братья, все такие? К чему спешка?

— Спешу помочь нуждающемуся, — Жуань Си похлопал по груди. — По-моему, это ты торопишься с выводами? Это я... специально для тебя взял.

— ...Неужели я похож на того, кто не может справиться с этой проблемой? — Цинь Цзун, не моргая, смотрел на него. — Хочешь, я покажу тебе разок, чтобы ты успокоился?

— Давай оставим эти пошлые и жестокие вещи, — Жуань Си откинулся назад в тень платформы, избегая яркого солнца. — Будь немного покультурнее.

— Этот брат занимается воздержанием? — Зада риторический вопрос Цинь Цзун.

Жуань Си: ...

— Ты расстроен? — Жуань Си отругал его и свистнул. — Только что ты сыграл так великолепно, я уже приготовился дарить цветы, но, к сожалению, мне не дали подняться и преподнести их.

— Сейчас еще не поздно подарить их. Давай, я готов.

Жуань Си снял красную розу с воротника, убрал в кармашек рубашки и пригладил волосы.

— Припрячу ее для бабушки. Это ведь награда за наше первое выступление, очень круто.

Во время разговора на остановку прибыл автобус. В транспорте было не так уж много людей, чем дальше они ехали, тем меньше народу оставалось, пока в конце концов у окна не остались только двое. Летнее полуденное солнце просачивалось сквозь развевающиеся на ветру занавески, и в старый автобус хлынула легкая свежесть.

Жуань Си прислонился головой к окну и сонно покачался.

— Я расстроен, — заговорил человек рядом с ним.

— Ладно, — не открывая глаз, Жуань Си сонно пробормотал. — Я куплю тебе мороженое.

— Никакого мороженого. Давай поцелуемся.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14917/1326718>